

А. С. Антонченкова

**НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ
В РАССКАЗЕ В. Г. КОРОЛЕНКО «СОН МАКАРА»**

В современном русском языке вопрос о способах передачи чужой речи является одним из особенно сложных и в недостаточной степени разрешенных.

Чужая речь в грамматическом значении этого слова — это речь или мысли одного лица, переданные другим лицом определенными, сложившимися в языке способами.

В науке о русском языке общепризнанными, самыми распространенными и в грамматическом отношении наиболее четко оформленными способами передачи чужого высказывания являются прямая и косвенная речь.

Хотя в подходе к анализу сложных конструкций с прямой и косвенной речью среди лингвистов нет пока единства, но результаты уже проделанных ими наблюдений позволили установить характерные грамматические признаки, свойственные каждой из этих двух разновидностей передачи чужого высказывания. При наличии выявленных специфических признаков оказалось возможным выделить прямую и косвенную речь из системы сложного предложения в особые конструкции, что давно уже закрепилось в учебниках и учебно-методических пособиях по русскому языку и прочно вошло в практику школьного преподавания.

Однако характерные черты прямой и косвенной речи отчетливо проступают лишь тогда, когда слой чужой речи и авторский контекст в них максимально противопоставлены друг другу, а это, кстати, наблюдается далеко не всегда. В художественной литературе очень широко распространены

случаи самого разнообразного смешения, переплетения передаваемого чужого высказывания и передающего авторского текста, так что расчленив их иногда бывает почти невозможно. Тесное объединение авторских слов с речью героя без их резкого разграничения и дало основание исследователям русского синтаксиса говорить, наряду с прямой и косвенной речью, и о третьем способе передачи чужого высказывания — несобственно-прямой речи, которая исключительно разнообразна по своему грамматическому оформлению, вследствие чего в науке еще не изучены все ее специфические особенности и пока не дано сколько-нибудь удовлетворительного определения этого интереснейшего явления.

К разработке вопроса о несобственно-прямой речи русское языкознание приступило сравнительно недавно — в конце XIX века, но плодотворность в его решении уже подтверждена рядом ценных исследований.

В столкновении сущности несобственно-прямой речи имеется еще много противоречивого, однако в науке выявлены некоторые существенные ее грамматические и смысловые признаки, которые последовательно отмечают все языковеды. Назовем их:

а) Обязательный признак несобственно-прямой речи — это двуплановость повествования, то есть совмещение в одной конструкции двух речевых линий (речи героя и речи автора), что грамматически достигается употреблением форм 3-го лица, вследствие этого передаваемое высказывание воспринимается читателем как идущее от автора; с другой стороны, по смыслу, по лексическому составу, а иногда и по морфологическим и синтаксическим особенностям, по модальной окраске передаваемого высказывания определяется его принадлежность именно герою.

б) Отличительным признаком структуры несобственно-прямой речи считается употребление восклицательных и вопросительных предложений, предложений со словами «да» и «нет», с частицами, междометиями, обращениями, вводными словами, которые не могут принадлежать автору по заключающемуся в них смыслу, по экспрессивной окраске. Часто такие предложения строятся в духе речевой манеры действующего лица или же из его прямых высказываний просто переносятся в авторское повествование.

в) Всеми исследователями признается особая стилистическая функция несобственно-прямой речи — служить средством передачи мыслей, раздумий, переживаний, воспоминаний, разговоров героя с самим собой, а также его мысленных обращений к отсутствующему или присутствующему собеседнику, благодаря чему, по меткому замечанию В. В. Виноградова, «повествовательный стиль превращается в драматизи-

рованный «полилог» ...без резкого разграничения речей отдельных персонажей»¹.

Повествование, облеченное в такую форму, становится лаконичным и передает динамику мыслей и чувств героя, эмоциональность его высказываний или раздумий, а в целом способствует более глубокому раскрытию характера героя.

г) Сфера употребления несобственно-прямой речи — художественная литература.

Хотя отдельные из перечисленных выше признаков также присущи прямой и косвенной речи, но **в своей совокупности** они характеризуют именно несобственно-прямую речь.

Теперь выделим те вопросы, во взглядах на которые мнения исследователей несобственно-прямой речи резко расходятся.

1. Нет единой точки зрения, является ли несобственно-прямая речь особым, третьим, способом передачи чужого высказывания или же ее следует рассматривать как одну из разновидностей косвенной речи, используемую писателями в качестве стилистического приема. В связи с этим окончательно не решено, принадлежит ли несобственно-прямая речь к числу синтаксических категорий или же ее изучение лежит в области стилистики.

Синтаксические особенности несобственно-прямой речи и ее стилистические функции изучены пока что недостаточно. В большей части специальных работ несобственно-прямая речь исследуется в основном лишь со стороны взаимодействия голосов героя и автора. По степени значимости роли автора и героя группируются разновидности несобственно-прямой речи, например, в работе Л. А. Соколовой².

Правда, степень участия автора и героя в передаваемом высказывании, на наш взгляд, — очень важная особенность несобственно-прямой речи, но исследователи часто в своих обобщениях учитывают лишь количественное соотношение голосов героя и автора (чей голос преобладает), не обращаясь к вопросу о том, в какой мере и в чем в каждом конкретном случае сказывается на структуре несобственно-прямой речи индивидуальный стиль писателя, речевая манера того или иного героя, идейное содержание произведения.

2. Исследователи, которые не относят несобственно-прямую речь к числу особых грамматических средств сообщения чужого высказывания, по-разному подходят к ее определению: одни считают ее разновидностью косвенной речи (С. Г. Бар-

---

¹ В. В. Виноградов. *Стиль Пушкина*, ГИХЛ, М, 1941, стр. 363.

² Л. А. Соколова. К вопросу о несобственно-прямой речи, «Ученые записки Томского государственного пединститута», т. XVI, 1957, стр. 301—311.

ударов¹), другие рассматривают ее как чужую речь, стоящую на грани прямой и косвенной (А. В. Алексеева²), третьи видят в ней нечто промежуточное между прямой речью и словами автора (И. И. Ковтунова³, В. К. Фаворин⁴).

3. Хотя двуплановость повествования отмечается всеми исследователями в качестве обязательного смыслового признака несобственно-прямой речи, но в вопросе о том, в чем же заключается эта двуплановость, опять-таки выявилось много существенных разногласий: одни считают, что в несобственно-прямой речи голоса автора и героя составляют единство (Е. И. Калугина⁵, Х. Курбатов⁶), другие утверждают, что только с грамматической точки зрения, поскольку повествование ведется от 3-го лица, рассказ исходит как бы от автора, а фактически же говорит герой (В. Н. Волошинов⁷), по утверждению третьих, говорит перевоплотившийся в героя автор (Н. С. Поспелов⁸, Е. Л. Ронин⁹).

4. Не сходятся мнения ученых и в том, выражает ли несобственно-прямая речь только мысли или же она передает и сказанное вслух. Языковеды, которые считают, что несобственно-прямая речь предназначена для воспроизведения только мыслей, часто для обозначения исследуемого явления употребляют термины «пережитая речь», «внутренняя речь», «скрытая речь», «завуалированная речь». Некоторые даже

---

¹ С. Г. Бархударов. О периоде, о косвенной речи, об ошибках в построении сложного предложения, «Литературная учеба», 1935, № 5.

² А. В. Алексеева. Прямая и косвенная речь в современном русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1937, № 4.

³ И. И. Ковтунова. Несобственно-прямая речь в современном русском литературном языке, «Русский язык в школе», 1953, № 2; «Несобственно-прямая речь в языке русской литературы конца XVIII — первой половины XIX века», М., 1956 (кандидатская диссертация).

⁴ В. К. Фаворин. О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии Гончарова, изд. АН СССР, отделение литературы и языка, т. IX, вып. 5, 1950.

⁵ Е. И. Калугина. Несобственная прямая речь в современном английском языке, «Иностранные языки в школе», 1950, № 5.

⁶ Х. Курбатов. Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь в современном татарском литературном языке. Автореферат кандидатской диссертации, Казань, 1954.

⁷ В. Н. Волошинов. Марксизм и философия языка, Л., 1929.

⁸ Н. С. Поспелов. Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в художественной прозе Гончарова 30—40-х годов, «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», т. IV, изд. АН СССР, М., 1957.

⁹ Е. Л. Ронин. Разновидности несобственной прямой речи в романе Чернышевского «Что делать?». Київський державний педагогічний інститут ім. О. М. Горького. Збірник студентських наукових праць, т. I, Історико-філологічні та педагогічні науки, в. I, Київ, 1955, стр. 107—115.

предлагают разграничить понятия: «несобственно-прямая речь» и «несобственно-прямая мысль» (Т. Ф. Мартынюк¹ и А. В. Телятникова²).

5. В языкеведения пока что не найдено общепринятого термина для названия исследуемого средства передачи чужой речи, так что наряду с термином «несобственно-прямая речь», который чаще других употребляется в последнее время, встречаются и другие как равнозначные ему: «несобственная прямая речь», «свободная косвенная речь», «пережитая речь», «скрытая речь», «непрямая речь», «внутренняя речь», «изображенная речь», «косвенно-прямая речь», «несобственно-чужая речь», «фигуральная речь» и др.

6. Отсутствие в науке единого устоявшегося термина объясняется не только спорами ученых о том, передается ли в данном случае внутренняя речь или речь внешняя, но и разногласиями иного характера, вызванными как сложностью самого явления, обозначаемого термином «несобственно-прямая речь», так и недостаточной степенью изученности косвенной речи, с которой в большей степени несобственно-прямая речь приходит в соприкосновение.

Чтобы проследить, насколько значителен в специальной лингвистической литературе разноречивый в употреблении терминов, достаточно обратиться хотя бы к некоторым примерам косвенной и несобственно-прямой речи, которые приводятся в специальных статьях.

Для обозначения косвенной речи, настолько удаленной от прямого высказывания, что от нее сохраняется только тема (например: «Казак, слезши с коня, стал рассказывать, как всю заставу порубили черкесы из бригады генерала Эрдели» — А. Н. Толстой). А. Н. Гвоздев³ использует термин «скрытая речь», который, как уже говорилось выше, иногда употребляется как равнозначный термину «несобственно-прямая речь». Конструкции же с формами 1-го лица типа: «Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прожитое» — Н. В. Гоголь, В. И. Кудухов в своей кандидатской диссертации называет «свободной косвенной речью», а И. Г. Чередниченко⁴ — «придаточной прямой речью»,

---

¹ Т. Ф. Мартынюк. Несобственно-прямая речь в современном немецком языке. Автореферат кандидатской диссертации. Киев, 1954.

² А. В. Телятникова. К вопросу о выражении несобственно-прямой речи во французском языке. Автореферат кандидатской диссертации. Л., 1955.

³ А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. Учпедгиз. 1955, стр. 455.

⁴ И. Г. Чередниченко. Особые случаи придаточности в современном русском языке. Вопросы славянского языкознания, книга I, Львов, 1948.

у Т. А. Хмелевской¹ они обозначены термином «полупрямая речь». Л. А. Булаховский же предложения подобного построения приводит в качестве одного из образцов «несобственно-прямой речи»:

Князь, твердо державшийся в жизни различия состояний и редко допускавший к столу даже важных губернских чиновников, вдруг на архитекторе Михайле Ивановиче, сморкавшемся в углу в клетчатый платок, доказывал, что все люди равны, и не раз внушал своей дочери, что Михайло Иванович не хуже нас с тобой — (Л. Толстой)².

Во многих работах, где затрагивается вопрос о несобственно-прямой речи, в качестве классического ее образца дается пример из поэмы А. С. Пушкина «Полтава»:

Мазепа в горести притворной
К царю возносит глас покорный.
«И знает бог, и видит свет
Он, бедный гетман, двадцать лет
Царю служил душою верно;
Его щедротою безмерной
Осыпан, дивно вознесен » и т д

Но И. В. Устрицкий и Г. Р. Тукумцев чужую речь, переданную таким же способом, называют косвенной (!), поясняя, что косвенная речь, если она велика по размерам, может быть оформлена в виде ряда законченных предложений, а указание на говорящего или думающего может находиться в предшествующем самостоятельном предложении:

Задумался Андрей, замечтался.
А что, если он станет знаменитым бойцом?
О нем будут ходить легенды по хуторам и селам, страшным станет его имя для врагов, а он, смелый, молодой, будет носить впереди своих эскадронов, очищая родную землю от шляхты
(Н. Островский)³

Различием в принципах подхода к объяснению несобственно-прямой речи и объясняется привлечение этих далеко не однородных примеров, которые даются в специальной литературе как иллюстративный материал.

Причина выявившихся между русистами разногласий кроется не только в сложности несобственно-прямой речи и в недостаточной степени ее изученности, но и в многообразии форм косвенной речи, которая может максимально сбли-

---

¹ Т. А. Хмелевская. Способы передачи чужой речи в говорах Цимлянского района, Каменской области. Ростовский н/Д пединститут, «Ученые записки», вып. 4, кафедра русского языка и общего языкознания. Ростов-на-Дону, 1955, стр. 111—133

² Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. I, «Радянська школа», 1952, стр. 385.

³ И. В. Устрицкий и Г. Р. Тукумцев. Содержание и методика темы «Прямая и косвенная речь» «Русский язык в школе» 1938, № 2, стр. 82

жаться с прямой речью, сохраняя некоторые характерные особенности последней, и тогда у исследователей появляются основания говорить о «косвенно-прямой речи», «свободной косвенной речи», «несобственной прямой речи», «художественной косвенной речи» и т. д., или же косвенная речь, скупая передающая сказанное, настолько удаляется от прямой, что сохраняет только ее тематику, и у одних языковедов возникает сомнение в наличии чужой речи в ряде сложноподчиненных предложений с придаточным дополнительным (точка зрения В. Д. Левина¹), другие, имея в виду такие же случаи, выделяют особый вид косвенной речи — так называемую «скрытую косвенную речь» (Т. А. Хмелевская)², «скрытую речь» (А. Н. Гвоздев)³.

Итак, исследователи чужой речи в современном русском языке часто один и тот же термин употребляют в различных значениях.

7. Вклинивающиеся в авторское повествование отдельные слова и словосочетания многие языковеды относят к прямой речи, в частности к цитате (В. Д. Левин⁴, А. В. Алексеева⁵, Е. Л. Майская⁶, М. К. Милых⁷ и др.), но некоторые считают эти неавторские слова и выражения зачаточной формой несобственно-прямой речи (И. И. Ковтунова⁸, Е. И. Калугина⁹, В. К. Фаворин¹⁰, Н. П. Канонькин¹¹).

---

¹ Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, часть вторая. Глава «Прямая, косвенная и несобственно-прямая речь». Изд. АН СССР. М., 1954, стр. 417.

² Т. А. Хмелевская. Способы передачи чужой речи в говорах Цимлянского района, Каменской области. Ростовский н/Д пединститут, «Ученые записки», вып. 4, кафедра русского языка и общего языкознания. Ростов-на-Дону. 1955.

³ А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. Учпедгиз, 1955, стр. 455.

⁴ В. Д. Левин. О языке художественных произведений, «Русский язык в школе», 1951, № 3.

⁵ А. В. Алексеева. Прямая и косвенная речь в современном русском литературном языке, «Русский язык в школе». 1937, № 4.

⁶ Е. Л. Майская. К вопросу о взаимодействии авторской речи и речи персонажей (по романам Голсуорси), «Иностранные языки в школе», 1954, № 4.

⁷ М. К. Милых. Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков, 1956.

⁸ И. И. Ковтунова. Несобственно-прямая речь в языке русской литературы конца XVIII — первой половины XIX века. М., 1956.

⁹ Е. И. Калугина. Несобственная прямая речь в современном английском языке. «Иностранные языки в школе». 1950, № 5.

¹⁰ В. К. Фаворин. О взаимодействии авторской речи и речи персонажей в языке трилогии Гончарова. Изд. АН СССР, отделение литературы и языка, т. IX, вып. 5, 1950.

¹¹ Н. П. Канонькин. К вопросу об изучении языка писателя. «Ученые записки Ленинградского пединститута им. А. И. Герцена», т. 43, кафедра русского языка. Л., 1947.

И. И. Ковтунова в указанных исследованиях введенные в авторское повествование отдельные слова и выражения, которые по своей морфологической структуре или эмоциональной окраске более соответствуют речевой манере героя, чем стилю автора, называет особым типом несобственно-прямой речи — лексико-фразеологическим. В ряде случаев, как отмечает И. И. Ковтунова, принадлежность подобных слов или выражений герою вполне очевидна, так как они, помимо того что имеют морфологические приметы и особую стилистическую окраску, ранее встречались в прямых высказываниях героя.

По мнению Е. Л. Майской, употребление в авторском повествовании слов из языка персонажей не нарушает лексической и синтаксической структуры авторской речи и при включении их в авторский рассказ не возникает свойственной несобственно-прямой речи дуплановости повествования. Поэтому эти чужеродные слова Е. Л. Майская в указанной выше работе относит к элементам прямой речи.

Так называемый лексико-фразеологический тип несобственно-прямой речи, как считает В. К. Фаворин, отличается от полного высказывания героя, переданного автором от 3-го лица, не качественно, а только количественно, в связи с чем он предлагает эту количественную разницу выразить соответствующими терминами: «несобственная речь» для неавторских слов, введенных в повествование, и «несобственно-прямая речь» — для сравнительно больших по объему высказываний и размышлений персонажа.

8. Имеется три различных толкования в отношении употребления времен: И. И. Ковтунова в своей кандидатской диссертации пришла к выводу, что формы времен несобственно-прямой речи употребляются в относительном значении, аналогичную точку зрения высказала Г. Г. Инфантова¹; Н. С. Поспелов в работе, написанной на материале художественной прозы Гончарова 30—40-х годов, отмечает прямое, «индикативное», употребление времен; В. Д. Левин в соответствующей главе «Грамматики русского языка», т. II, часть вторая, 1954, указывает просто на смену времен в том случае, когда авторское повествование переходит в несобственно-прямую речь.

9. Наконец, является спорным вопрос о том, присуща ли несобственно-прямой речи, как особому способу передачи сказанного, определенная синтаксическая форма (как это наблюдается в построении прямой речи и косвенной) или

---

¹ Г. Г. Инфантова К вопросу о несобственно-прямой речи. «Ученые записки Таганрогского государственного педагогического института», выпуск 6. Таганрог. 1958, стр. 99.

же она лишена специфики грамматического оформления. Последняя точка зрения на этот вопрос принадлежит В. В. Виноградову; ее развивает в своей диссертации И. И. Ковтунова.

Некоторые исследователи, например Г. Г. Инфантова, к несобственно-прямой речи прежде всего относят высказывания, воспроизведенные и оформленные отличным от косвенной речи способом, — конструкции, в которых передающая часть с передаваемой соединена бессоюзным способом.

Коснувшись высказанных лингвистами мнений по наиболее важным вопросам, относящимся к сущности несобственно-прямой речи, оставим пока в стороне другие, частные, разногласия и в заключение лишь подчеркнем, что расхождение в выводах, к которым языковеды приходят, в значительной степени обусловлены также и своеобразием художественного мастерства писателей, и содержанием тех произведений, которые избирались ими для исследования.

В единственной диссертации И. И. Ковтуновой, специально посвященной несобственно-прямой речи в современном русском литературном языке (конец XVIII — первая половина XIX века), вскрыты лишь общие принципы оформления несобственно-прямой речи, без учета того конкретного многообразия, которое наблюдается в произведениях всех писателей первой половины XIX века.

Отсюда вытекает необходимость дальнейшего изучения приемов выражения чужой речи, которые используют русские писатели на протяжении XIX — XX вв. Только пристальный анализ при максимально широком охвате материала художественной литературы, а также и устной разговорной речи позволит установить характерные черты несобственно-прямой речи и даст возможность проследить путь ее развития от А. С. Пушкина до наших дней.

Предметом предлагаемой статьи является несобственно-прямая речь в одном из рассказов В. Г. Короленко сибирского цикла — «Сон Макара».

До настоящего времени никто из исследователей интересующего нас вопроса еще не обращался к творчеству этого выдающегося русского писателя¹, тогда как изучаемое средство передачи чужой речи в ряде его произведений («Сон Макара», «Федор Бесприютный», «Слепой музыкант», «Без

---

¹ Нам известен только один пример, который приводится в «Грамматике русского языка», т. II, часть вторая, изд. АН СССР, М. 1954, стр. 432, в подтверждение того, что косвенная речь может переходить в несобственно-прямую: «Он зашел, что в ловушку его попала лисица. Он продаст завтрашку, и старуха не станет его колотить». Корол. Сон Макара, III.

языка» и др.) нашло широкое применение и представляет научный интерес.

Материал художественных произведений В. Г. Короленко заслуживает внимания потому, что в использовании несобственно-прямой речи у этого писателя наблюдается некоторое своеобразие, связанное со стремлением художника проникнуть, например, в душевный мир спящего или слепого, раскрыть психологию человека, впервые от пашни и сохи оказавшегося среди железного скрежета машин и затерявшегося среди нью-йоркских небоскребов и т. д. Кроме того, несобственно-прямая речь у В. Г. Короленко играет важнейшую роль в раскрытии образа героя, несет большую идейную нагрузку, так как основные мысли своих художественных произведений этот писатель никогда не преподносит от себя в готовых формулировках. Все это не могло не отразиться на структуре несобственно-прямой речи. Обусловленность построения несобственно-прямой речи идейным содержанием рассказа мы также попытаемся вскрыть в нашей статье.

Для анализа взяты все конструкции из «Сна Макара», в которых совмещение речевых планов автора и героя у нас не вызывает сомнения. Мы не стремимся здесь сосредоточить внимание специально на какой-то определенной конструкции, так как проблема выяснения грамматических особенностей несобственно-прямой речи, над которой в настоящее время работают многие исследователи русского синтаксиса, требует первоначального пристального изучения всех случаев, где авторскому повествованию только придается в той или иной мере модальная окраска героя и где герой становится настолько активным, что к нему, по существу, в целых отрывках переходит повествовательная функция.

Только в результате рассмотрения многочисленных данных языка те или иные факты, как мы считаем, окажутся правомерно исключенными или включенными в русло несобственно-прямой речи.

При разборе всех конструкций несобственно-прямой речи наше внимание направлено преимущественно на выяснение следующих вопросов, которые еще не исследовались, хотя являются, на наш взгляд, важными для выявления грамматических особенностей этого третьего вида чужой речи:

- 1) способы введения несобственно-прямой речи в ткань авторского повествования;
- 2) отношение лексико-грамматической структуры несобственно-прямой речи к окружающему ее авторскому тексту;
- 3) в цели статьи входит также определение того, в какой мере и в чем стиль автора в данном рассказе отражается на построении несобственно-прямой речи.

Извлеченный из «Сна Макара» материал позволяет коснуться и некоторых из тех теоретических положений, приведенных в начале нашей статьи, которые еще не нашли в науке полного разрешения и нуждаются в дальнейшем подкреплении новыми фактами языка.

«Сон Макара» отдельно избирается для анализа потому, что это произведение насыщено разнообразными видами несобственно-прямой речи, рассматривать которые удобнее в тесной связи с общим стилем рассказа и с идейно-художественным замыслом его автора.

Все примеры, в которых более или менее отчетливо выражена субъективная линия героя, мы разделили на две группы:

несобственно-прямая речь, находящаяся в рамках авторского повествования;

несобственно-прямая речь, выделяющаяся из авторского повествовательного текста в виде отдельной синтаксической единицы.

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ, НАХОДЯЩАЯСЯ В РАМКАХ АВТОРСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Как уже говорилось во вступительной части данной работы, отдельные элементы, принадлежащие индивидуальному языку персонажей или отражающие субъективное отношение героя к высказываемому, некоторыми исследователями русского синтаксиса и литературоведами рассматриваются как особый вид несобственно-прямой речи.

Включенные в текст авторского описания, эти отдельные слова выделяются по своей яркой модально-экспрессивной окраске, но указание автора на их принадлежность персонажу отсутствует. Вследствие этого передающие слова и передаваемые не отграничиваются.

Остановимся на образцах несобственно-прямой речи такого типа в рассказе «Сон Макара».

В конструкциях с элементами чужой речи, не выделяющейся из авторского текста синтаксически, о наличии голоса героя в повествовании свидетельствуют **неопределенные местоимения, личное местоимение третьего лица среднего рода, наречия**, вследствие чего разворачивающиеся картины воспринимаются читателем через призму сознания действующего лица:

По разгоряченному телу Макара бежали целые потоки острых струек талого снега. Снег попал ему в рукава, за воротник соны,

стекал по спине, лился за торбаса. **Проклятый** Алешка унес с собой его шапку. Рукавицы он потерял **где-то** на бегу (стр. 112)¹.

В этом описании сна удивительно правдиво переплетается реальное с грезами. Макар действительно был весь в снегу, когда вернулся домой, так как хозяин избы, где он несколько часов тому назад пил водку, вытолкнул его прямо в сугроб. Теперь этот снег таял, Макар, лежа в постели, чувствовал, как текут по его телу холодные струйки, и к этим не воображаемым ощущениям примешалось во сне отчаяние человека, якобы заблудившегося в глухой тайге: «**Проклятый Алешка унес шапку**», «**Рукавицы он потерял где-то...**» Эмоциональный тон описания создается лексическими средствами (**проклятый, где-то**).

И Макар умер.

Как это случилось, он не заметил. Он знал, что из него должно **что-то** выйти, и ждал, что вот-вот **оно** выйдет... Но ничего не вышло (стр. 114).

Было совершенно темно, когда Макар почувствовал, что его **кто-то** толкнул ногою (стр. 114).

Макар вспомнил, что действительно после смерти надо идти **куда-то** на суд. Он это слышал **когда-то** в церкви (стр. 115).

Здесь с помощью выделенных слов очень правдиво раскрывается внутреннее состояние Макара: **кто-то, куда-то, что-то, оно** и др. выражения свидетельствуют о нечеткости воспроизведения темным крестьянином того, что смутно запало в его сознание из религиозных проповедей.

Как средство выражения отношения героя к содержанию высказывания у В. Г. Короленко используются отдельные слова, характерные для речи того или иного действующего лица. На своеобразии включения этим писателем неавторских слов в ткань повествования как в «Сне Макара», так и в некоторых других его произведениях остановимся особо.

Закономерность использования «чужих» слов у В. Г. Короленко проявляется в том, что он, как правило, не органически вплетает их в свой рассказ, а выделяет кавычками или курсивом, иногда заключает в скобки, подчеркивая таким образом их неоднородность с авторским текстом, их принадлежность кому-то другому, ранее употребившему их в своей речи. Для иллюстрации возьмем некоторые из многочисленных примеров, встречающихся в очерках и рассказах сибирского цикла.

Яков не искал реальных, осязательных последствий от своего стучания для того дела, за которое он «стоял» столь неуклонно среди глухих стен и не менее глухих к его обличениям людей; он видел «пользу» уже в самом факте «стояния» за бога и за великого государя, стало быть поступал так «для души» («Яшка», стр. 31).

¹ В. Г. Короленко. Собрание сочинений в 10-ти томах, 1953—1956. Этот пример и последующие цитируются по I тому данного издания. Слова и выражения, представляющие чужую речь, здесь и в дальнейшем выделяются нами

Он очень гордился своим званием и иногда ругал других «погаными якутами», хотя, правду сказать, сам не отличался от якугов ни привычками, ни образом жизни («Сон Макара», стр. 103).

Если бы не это обстоятельство, он знал бы, что Семенов, если и барин, то не такой, от которого можно пожить. Но, не успев узнать и этого, чахлый арестант все время терся около «барина», подыскивал удобный случай для униженной просьбы, в надежде получить полтину—другую ради своего сиротства («Федор Бесприютный», стр. 180).

Полковник знал про себя, что он добр, что его любят арестанты «за простоту» («Федор Бесприютный», стр. 203).

Однако у В. Г. Короленко слова и выражения, взятые из прямых высказываний персонажа, не всегда противопоставляются авторскому тексту. Есть не мало случаев, когда элементы чужой речи не выделяются кавычками и, следовательно, выполняют определенную функцию — служат средством выражения субъективного начала, идущего от героя, на общем фоне объективного авторского повествования.

— Не знаете?. Кронид Ивановича?. Странно... Он кинул на меня взгляд, в котором проскользнуло сомнение. то ли я лицо, по адресу которого он расточал свои любезности, и продолжал:

— Новый управляющий приисков. Достойнейшая, просвещенная личность...

Лицо его при упоминании о просвещенной личности стало еще более матовым и разнеженным.. Он опять с легким оттенком сомнений скользнул по моей фигуре, как бы сопоставляя ее с достойнейшим Кронидом Ивановичем, к большой, конечно, невыгоде для моей скромной особы. («Феодалы», стр. 458—459).

Любопытно отметить и то, что слова, не встречающиеся в прямом высказывании персонажей, но по смыслу относящиеся скорее к их речи, чем к речи автора, у В. Г. Короленко иногда графически также не выделяются:

Тогда Макар дернул левою вожжою и направил коня на край слободы.

На самом краю слободы стояла небольшая юртенка. Из нее, как и из других юрт, поднимался высоко-высоко дым камелька, застывая белою, волнующеюся массою холодные звезды и яркий месяц. Огонь весело переливался, отсвечивая сквозь матовые льдины. На дворе было тихо.

Здесь жили чужие, дальние люди (стр. 105).

По всей видимости, это политические ссыльные, которые являются «чужими, дальними людьми» для Макара, а не для автора.

Или:

...выпить было не на что: хлеб был в исходе; Макар задолжал у местных купцов и у татар.

...Ему пришла в голову счастливая мысль (продать вперед пять возов дров за бутылку водки. — А. А.) (стр. 104—105).

Безусловно, мысль купить водки, наполовину разбавленной водой и настоенной крепким табаком, могла показаться

счастливой только Макару, а не повествующему об этом автору.

Или вот Макару снится, будто он в тайге без рукавиц и шапки:

Пока он падал, проклятый Алешка схватил с головы Макара шапку и скрылся в тайге.

...По разгоряченному телу Макара бежали целые потоки острых струек талого снега. Снег попал ему в рукава, за воротник соны, стекал по спине, лился за торбаса. Проклятый Алешка унес с собой его шапку (стр. 112).

Повторяющееся в двух последних примерах сочетание **проклятый Алешка** исходит, конечно, от Макара, придает описанию субъективную окраску и выражает охватившее его чувство отчаяния, досады, когда он, будто бы сбившись с пути, блуждает по глухой тайге. Слово **проклятый** является, очевидно, ходовым в языке Макара, так как оно часто встречается в его прямой речи, поэтому автор его использует для того, чтобы передать общее настроение своего героя. Вот примеры из непосредственных высказываний Макара:

— Тпру-у!.. Тпру-у!.. Видишь, конь проклятый какой.. куда едет! — оправдывался Макар, все-таки крепко натягивая левую жожду и незаметно подхлестывая лысанку правой (стр. 107).

— Ну, ну, — сказал Макар — Будет татарину и без табаку ладно Видишь ты: испортил коня, проклятый! (стр. 119).

Вопрос о словах, включенных в авторское повествование и несвойственных ему, очень сложен, поэтому разрешается он исследователями по-разному и опять же, как думается, потому, что в их распоряжении оказывается неоднородный материал.

Если исходить из того, что наблюдается в сибирских сказах и очерках, то можно сказать, что слова, которые выделяет из текста своего рассказа сам В. Г. Короленко (будь то слова, взятые из прямых высказываний героя, или слова просторечные, диалектные, слова, относящиеся к экзотической лексике и характеризующие якутский быт), не следует относить к несобственно-прямой речи, ибо указание автора на чужеродность подобных слов и выражений, их отграниченность от авторского контекста разрушает характерный для несобственно-прямой речи признак — совмещение модально-субъектных планов.

Что касается элементов прямой речи персонажей или свойственных их индивидуальному языку слов и выражений, органически вливающихся в поток авторского повествования, то многие исследователи вполне правомерно рассматривают их как **зачатки** чужой речи, которые позволяют писателю в

какой-то мере перевести изложение событий в субъективный план героя.

Попутно возникает вопрос и о термине, обозначающем эту чужую речь, вклинивающуюся в авторский текст в виде отдельных слов и выражений. Вместо термина «лексико-фразеологический тип несобственно-прямой речи», который И. И. Ковтунова применяет в своей кандидатской диссертации, не лучше ли принять более удачный, глубже отражающий сущность этого языкового явления термин «несобственная речь», предложенный В. К. Фавориным?¹

В предпочтительности термина «несобственная речь» убеждает нас следующее.

Находясь в окружении авторского текста, отдельные слова и выражения используются не для воспроизведения речи героя. Они играют иную роль: создают психологическую, глубинную картину описания, передают скорее чувства, настроения, помогают автору приблизиться к точке зрения героя и тем самым осветить явление с разных сторон — субъективно и объективно. Кроме того, одно слово хотя и вводит читателя в сферу того, о чем были мысли героя в тот или иной момент описания, хотя и указывает на то, что чувствовал он в определенной ситуации, но в какую языковую форму облекались эти мысли и переживания, оно не передает. Одно слово — это не речь.

Так, в наших примерах словосочетания **счастливая мысль; чужие, дальние люди; проклятый Алешка** лаконично, суммарно передают внутреннее состояние Макара, его собственное отношение к тому, что с ним происходит, в частности, его чувства радости, гнева и т. д., но это не речь в обычном ее понимании. «Счастливая мысль» во внутренней речи Макара могла иметь иную языковую оболочку, а не ту, которую здесь приводит автор. Эти слова не передают речи героя, а лишь вводят читателя в мир его чувств. В этом мнении убеждают факты из произведений и других художников слова. Известно, например, какого высокого мастерства достигает А. П. Чехов в изображении внутреннего состояния собаки, потерявшей своего хозяина и оказавшейся в совершенно незнакомой обстановке. Подобными «чужими» словами и передается ее собачье горе:

Каштанка стала обнюхивать тротуар, надеясь найти хозяина по запаху его следов, но раньше **какой-то негодяй** прошел в новых резиновых калошах, и теперь все тонкие запахи мешались с острою каучуковой вонью, так что ничего нельзя было разобрать («Каштанка»)

¹ В. К. Фаворин и Ж. Воронин о проблеме авторской речи в историческом романе «Известия Иркутского педагогического института», вып. II., 1935, стр. 158—159.

Столь же просто А. П. Чехов показывает, насколько неблагоприятно действуют на острый слух собаки сильные звуки.

А тут еще где-то за стеной далеко играла **ненавистная музыка** и слышался временами **непонятный рев** («Каштанка»).

Вообще в этом рассказе А. П. Чехова, преисполненном тонкого юмора, действительность раскрывается через **восприятие** молодой собаки, которая значительную часть своей жизни провела у столяра под верстаком. Оказавшись в доме у артиста и затем на арене цирка, она все «истолковывает» в соответствии со своим небольшим собачьим опытом. Вот, например, какое впечатление произвели на Каштанку слон и другие животные:

из за перегородок и решеток, которые тянулись по обе стороны комнаты, выглядывали **страшные** рожи лошадиные, рогатые, длиннорукие и **какая-то** одна толстая, громадная рожа с **хвостом вместо носа** и с двумя длинными обглоданными костями, торчащими из рта.

Очень многое из того, что видела Каштанка у нового хозяина, она не могла себе «объяснить», поэтому текст рассказа изобилует словами «кто-то», «что-то», «где-то», «почему-то», «куда-то» и т. п. И все эти слова у А. П. Чехова, как и у В. Г. Короленко, играют стилистическую роль — переносят сообщение в иную субъектную плоскость, но внутренней речи не передают.

В такой же функции очень часто используются «несобственные» слова и в разговорной речи, когда, например, взрослые дают оценку предмету, причинившему ребенку боль.

Надо принять отсюда **этот нехороший** стул.

Или:

Кто это ходит? — когда ребенок оборачивается, слыша звуки шагов

Если ребенок впервые видит на улице какое-нибудь животное и проявил к нему большой интерес, старшие говорят иногда:

Не встречали мы еще такого редкостного зверя!

Здесь прилагательным **редкостный**, которое, кстати, еще и незнакомо детям раннего возраста, говорящий выражает общее впечатление ребенка, а не его речь.

Поэтому, как нам кажется, В. К. Фавориным оправданно снимается вторая часть термина «прямая» и сохраняется его первая часть — «несобственная», указывающая на то, что автор, описывая героя, говорит с его позиции, сжато выражает его общее мнение.

У В. Г. Короленко «несобственная речь» в рассказе «Сон Макара» используется как средство частичной стилизации повествования, благодаря чему описываемый в основном в

авторском стиле фантастический сон воспринимается читателем через призму сознания героя.

Конструкции с несобственно-прямой речью (в ее принятом большинством ученых понимании) значительно отличаются по структуре от тех, для которых предлагается название «несобственная речь»: несобственно-прямая речь, выходя за рамки авторского повествования, образует целое предложение или даже группу предложений, дающих определенное представление не только о содержании высказывания, но и о его форме.

«Несобственная речь» (или «лексико-фразеологический тип несобственно-прямой речи») остается всегда в рамках авторского текста, следовательно, не составляет целой синтаксической единицы.

При повествовании в форме несобственно-прямой речи писатель всегда так или иначе дает почувствовать, когда в его изложение врывается голос героя. Часто имеется даже предупреждение об изложении чужого высказывания. Ниже это будет показано на конкретных примерах.

В «несобственной речи» участие героя в повествовании автором никак не обозначено, а лексический признак здесь не всегда является бесспорным, особенно, если то или иное слово или выражение не встречалось в прямой речи персонажа, а по смыслу оно может быть отнесено и к чужой речи, и к авторскому тексту, так что наличие самой важной черты несобственно-прямой речи — совмещение речевых линий — вызывает очень часто сомнение; например, в «Сне Макара» выделенные в нижеследующем отрывке слова могут исходить и от Макара, и от самого автора:

В одном месте на прогалину выбежал белый ушкан (заяц), сел на задние лапки, повел длинными ушами с черными отметинками на концах и стал умываться, делая Макару **самые дерзкие рожи** (стр. 113).

«Несобственная речь» в «Сне Макара» часто представлена неопределенными местоимениями, наречиями, отдельными словами и словосочетаниями, которые по смыслу отражают субъективное истолкование героем всего описываемого. Слова **когда-то, где-то, кто-то, что-то, куда-то** и др., бесспорно, являются проводниками точки зрения Макара в авторское освещение событий. Основанием для такого вывода служит смысловое содержание описываемого: автор знает, **когда и что** его герой слышал, **кто** его толкал ногою и т. д., так что перечисленными словами передается недоумение «умершего» Макара.

Подобное наблюдается, например, и у А. С. Пушкина:

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, **кто-то** положил на пальцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела обраться («Дубровский», глава XIV).

Здесь с помощью **кто-то** передается недоумение героини, которая не видела подкравшегося к окну человека. А читателю из предшествующих глав повести понятно, что это был посланный от Владимира Дубровского.

Показательно, что шестиклассники, как свидетельствуют наши личные наблюдения, это место при устном пересказе главы передают как внутреннюю речь дочери Троекурова. Приведем извлечение из записанного нами ответа ученицы школы № 1 города Белгорода:

«Марья Кириловна сидела задумчивая. Хотя она была занята работой, но мысли ее были далеко. Вдруг ей прямо на плечы положили письмо. У нее сначала мелькнула мысль: кто это мог быть? Но потом она образумилась и поняла, что это письмо от Дубровского. В это время ее позвал к себе Кирила Петрович» и т. д.

Конечно, промелькнувшую в голове Марьи Кириловны мысль: **кто это мог быть?** ученица оформила по-своему, но общее содержание того, **что** именно подумала героиня в этот момент, передано в слове **кто-то** самим автором.

Для сообщения высказыванию модальной окраски героя используются неопределенные местоимения у А. С. Пушкина, А. П. Чехова и у других писателей. Но особенно часто к этому приему обращается В. Г. Короленко в своих повестях «Слепой музыкант» и «Без языка». Однако и у В. Г. Короленко не всегда подобные местоимения и наречия являются носителями чего-то субъективного, исходящего от героя. Они встречаются, если можно так сказать, и в нейтральном авторском описании. Сошлемся для краткости на один пример, в котором наречие **где-то** не имеет эмоциональной окраски героя:

В последственном отделении все стихло. Где-то далеко, в третьем или четвертом коридоре, лязгнула дверь, послышались раскаты, точно рокот далекого наводнения («Яшка», стр. 28).

Отсюда следует, что роль неопределенных местоимений, наречий и т. п. слов надо определять по их смысловому наполнению и модальной окраске в каждом конкретном случае.

Итак, «несобственная речь» во всех предложенных здесь примерах из произведений В. Г. Короленко и других писателей применяется в иной в сравнении с несобственно-прямой речью функции: «несобственная речь» не является средством передачи высказываний героя независимо от того, представляет ли она в массиве авторского текста элементы прямых его высказываний или же только отражает характерные для его речевой манеры черты; она лишь способствует углублению описания внутреннего состояния персонажей, указывает на общее направление их мыслей, чувств, их настроения.

В отличие от несобственно-прямой речи как особого сред-

ства передачи чужого высказывания, выступающего в виде отдельной от авторского текста конструкции, «несобственную речь» можно отнести к одному из средств стилизованного авторского описания.

«Несобственная речь» чаще всего используется в первой половине «Сна Макара», где основная роль принадлежит авторскому описанию. В заключительной части произведения преобладающей формой повествования становится несобственно-прямая речь, которая представляет собой отдельные от авторского текста сложные синтаксические построения.

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ, ВЫДЕЛЯЮЩАЯСЯ ИЗ АВТОРСКОГО ТЕКСТА В ВИДЕ ОТДЕЛЬНОЙ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ

В рассказе «Сон Макара» несобственно-прямая речь, выходящая за рамки авторского повествования, выступает как самостоятельная синтаксическая конструкция в виде одного предложения или же целой группы предложений, чаще всего вопросительных или восклицательных. Когда несобственно-прямая речь передается несколькими предложениями, создается объединенное одной общей мыслью сложное высказывание, которое у синтаксистов получило наименование «фраза» (у Л. А. Булаховского), «синтаксическое целое» (у Н. С. Поселова).

Несобственно-прямую речь данной разновидности, представляющую собой одно предложение или синтаксическое целое, можно разделить в анализируемом рассказе на группы:

1) несобственно-прямая речь включающаяся в авторское повествование без вводящих слов;

2) несобственно-прямая речь, являющаяся продолжением косвенной;

3) несобственно-прямая речь, вводящаяся в текст произведения словами автора.

Рассмотрим каждую из этих групп в отдельности.

1. Несобственно-прямая речь, включающаяся в авторское повествование без вводящих слов автора

В. Г. Короленко иногда не предупреждает читателя, что дальше следует чужая речь, однако она у него ярко выделяется, вследствие того что выступает в виде отдельных предложений, которые отличаются от других по цели высказывания. Авторское повествование и речь героя оказываются резко разграниченными.

Вот, например, риторические вопросы, которые герой в раздумье ставит перед собой, а читатель и автор знают, что

он только что вернулся в свою юрту, сильно пьян и делает лишь тщетные попытки встать:

Он не выдержал и, встав с постели, направился к своему верному лысанке, чтобы ехать в тайгу.

Что это? Неужели сильные руки старухи схватили за воротник его соны, и он опять брошен на постель?

Нет, вот он уже за слободю (стр. 109).

Нельзя не заметить, насколько многозначителен здесь переход от авторского повествования к несобственно-прямой речи, которая воспроизводит внутренний монолог героя: в двух вопросительных предложениях изображается последняя попытка Макара преодолеть сон, понять, где он и что с ним происходит. Но сон окончательно его побеждает. Предложением, начинающимся со слова **нет**, подводится итог этих размышлений и открывается картина сновидения. Благодаря использованию здесь несобственно-прямой речи, описание становится эмоциональным, лаконичным, стремительным, без излишних авторских пояснений, что позволяет читателю глубже, непосредственно проникнуть в душевный мир героя в данный описываемый момент.

Несобственно-прямая речь в форме риторического вопроса используется также в целях раскрытия душевного состояния Макара, когда его гнев, вызванный несправедливостью небесного суда, перерастал в ярость, в подлинный, осознанный социальный протест.

Вот он оглядел всю свою горькую жизнь. Как мог он до сих пор выносить это ужасное бремя?

Тогда в его душе стало темно, и в ней забушевала ярость, как буря в пустой степи глухую ночью. Он забыл, где он, перед чьим лицом предстоит, — забыл все, кроме своего гнева... (стр. 129—130).

Здесь предложение «Вот он оглядел всю свою горькую жизнь» готовит читателя к восприятию того, что скажет Макар в итоге, но в его составе нет глагола речи или мысли.

В художественной прозе В. Г. Короленко несобственно-прямая речь нередко выражается неполными, незаконченными предложениями с многоточием, в которых вследствие их неполноты, недосказанности, эмоциональности отчетливо слышится голос героя. Например, Макар в страхе быть застигнутым ходит по ловушкам своего соседа:

Вот он выбежал на просеку, которую некогда сам прорубил. Деревья, белые от инея, стояли по обеим сторонам, а внизу, суживаясь, маячила дорожка, и в конце ее насторожилось жерло большой плахи. **Недалеко...** (стр. 111).

Макар медленно поднялся. Он чувствовал себя окончательно побитым и несчастным. Нравственное состояние было отвратительно. **Лисица была в руках, а теперь...** (стр. 112).

Итак, в выделенной нами синтаксической разновидности несобственно-прямой речи пропуском вводящих слов автора достигается как бы непосредственное общение читателя с героем. Если при наличии вводящих слов высказыванием персонажа в основном подкрепляется авторское повествование, то при их отсутствии несобственно-прямая речь сливается с авторским контекстом и усиливается ее повествовательная функция.

Таким образом, пропуском вводящих слов здесь достигается **стилистическая** цель. Случаи употребления прямой и несобственно-прямой речи без слов автора довольно распространены в современной русской художественной литературе. Но отсутствие комментирующего авторского текста, думается, не следует относить к грамматическим признакам этих двух способов передачи чужой речи. Необходимо только подчеркнуть, что высказывание персонажа, облеченное в форму прямой или несобственно-прямой речи (когда последняя составляет отдельную от авторского повествования конструкцию), может не сопровождаться глаголами говорения.

Пропуск слов автора, как кажется, не влечет за собой изменения синтаксической структуры несобственно-прямой речи. Попытаемся в примеры из рассказа В. Г. Короленко вставить соответствующий глагол и объяснить, к каким результатам это приводит:

Вот он оглядел всю свою горькую жизнь (**и подумал**): как мог он до сих пор выносить это ужасное время?..

Вследствие того что глагол **подумал** требует дополнения, смысловая и интонационная зависимость между передающей и передаваемой частью усилилась. Но построение несобственно-прямой речи в сравнении с той редакцией, которая имеется в тексте В. Г. Короленко, не нарушилось. Стилистическое же различие очень ощутимо: при наличии глагола речи ослабляется участие автора в выражении мысли и усиливается голос Макара, а автор выступает уже лишь как лицо, передающее чужие слова.

2. Несобственно-прямая речь, являющаяся продолжением косвенной

В сравнении с речью прямой и косвенной (при резкой в них разграниченности объективного авторского текста и субъективного высказывания героя) несобственно-прямая речь в «Сне Макара», да и в других рассказах В. Г. Короленко, служит, с одной стороны, наиболее эффективным средством раскрытия душевного мира героев и, с другой стороны, дает возможность самому автору без явной тенденциозности, устами героя, вы-

разить и собственные взгляды по тому вопросу, который затронут в том или ином произведении.

Очевидно, в полном соответствии с этой целью находятся наблюдающиеся у В. Г. Короленко переходы от косвенной речи к несобственно-прямой, в результате чего герой сам в своих высказываниях раскрывается перед читателем. Кроме того, форма несобственно-прямой речи со свойственными ей резкими переходами от одной мысли к другой, с пропусками связующих авторских пояснений позволяет добиться краткости и эмоциональности изложения, тогда как шаблон косвенной речи требует введения глаголов «говорения», которые затягивают повествование и отяжеляют стиль.

Когда он бывал пьян, он плакал «Какая наша жизнь, — говорил он, — господи боже!» Кроме того, он говорил иногда, что желал бы все бросить и уйти на «гору» **Там он не будет ни пахать, ни сеять, не будет рубить и возить дрова, не будет даже молоть зерно на ручном жернове Он будет только спасаться.** Какая это гора, где она, он точно не знал; знал только, что гора эта есть, во-первых, а во-вторых, что она где-то далеко, — так далеко, что оттуда его нельзя будет добыть самому тонону-исправнику . **Податей платить, понятно, он также не будет...** (стр. 104).

Несобственно-прямая речь в данном отрывке перемежается с косвенной. На грани перехода косвенной речи в несобственно-прямую наблюдается усиление голоса героя, то есть косвенная речь в этом месте повествования ярче отражает особенности его языка.

Так, в последнем предложении косвенной речи («во-вторых, что она где-то далеко, — так далеко, что оттуда его нельзя будет добыть самому тонону-исправнику...») обращают на себя внимание некоторые особенности, свойственные индивидуальному стилю Макара: наречие места **где-то**; слово **добыть**, в значении «найти», являющееся принадлежностью разговорного стиля (заметим, кстати, что использование просторечно-разговорной лексики в объективном авторском повествовании для В. Г. Короленко нехарактерно, так что разговорные, диалектные и т. п. элементы писатель последовательно выделяет курсивом или заключает в кавычки); выражение **самому тонону-исправнику** по заключающемуся в нем смыслу, по субъективной окраске также близко к речи Макара, так как подчеркивает, насколько значительной и, очевидно, последней по инстанции была власть исправника над крестьянином в далекой сибирской глуши; наконец, многоточие после этого предложения показывает, что нить размышлений персонажа продолжается. А в заключение, уже после многоточия, следует предложение несобственно-прямой речи, в котором слово **понятно** усиливает субъективное отношение к высказываемому — **Податей платить, понятно, он также не будет...** Субъективную окрашенность этого предложения усиливает, кроме **понятно**, и

обратный порядок слов: на первом месте стоит прямое дополнение, на которое падает логическое ударение.

Таким образом, мысль о податях как бы логически вытекает из размышлений якутского крестьянина о тойоне-исправнике.

Несобственно-прямая речь и в ряде других случаев идет за косвенной речью, завершает ее и является собственным выводом героя из того, что косвенно передано в предыдущем тексте, например:

Он запел, что в ловушку его попала лисша. **Он продаст завтра шкуру, и старуха не станет его колотить** (стр. 109).

Он полагал, что раз он «пропал», его обязанность — лежать спокойно, и ему нет надобности идти опять по тайге, бродя без дороги. **Иначе зачем было ему пропадать?** (стр. 115).

Глагол **запел** обозначает, что посредством несобственно-прямой речи воспроизводится не мысль, а произнесенное вслух.

В «Сне Макара» несобственно-прямая речь применяется для передачи больших монологов главного героя произведения. Началом одного из таких монологов является предложение косвенной речи, затем полным голосом, страстно, гневно говорит Макар, которого на божьем суде приговорили навечно отдать трапезнику, чтобы тот возил на нем исправника:

Он начал с того, что не желает идти к трапезнику в мерины. **И не потому не желает, что боится тяжелой работы, а потому, что это решение неправильно. А так как это решение неправильно, то он ему не подчинится и не поведет даже ухом, не двинет ногою. Пусть с ним делают, что хотят! Пусть даже отдадут чертям в вечные комночнты, — он не будет возить исправника, потому что это неправильно. И пусть не думают, что ему страшно положение мерина: трапезник гоняет мерина, но кормит его овсом, а его гоняли всю жизнь, но овсом никогда не кормили** (стр. 127).

Авторское предложение «Он начал с того...» не требует определенных типов предложений для передачи чужой речи, так как глагол **начал** по своей семантике допускает ее независимый, синтаксически разнородный состав, но в нем все же содержится указание на то, что последует длительная речь.

В этом монологе категорический отказ Макара подчиниться неправильному приговору выражен соответствующими грамматическими средствами: предложения, начинающиеся со слова **пусть**, лексически обозначают готовность Макара выдержать что бы то ни было, лишь бы не стать жертвой несправедливости. Следуя одно за другим, эти предложения с их единоначатием усиливают экспрессивность высказываемого.

При передаче этого монолога в форме косвенной речи потребовалось бы, во-первых, в нескольких местах ввести слова автора с глаголами «говорения», во-вторых, оказалось бы необходимым опустить целые выражения, чтобы соединить союзной связью слова автора и передаваемую речь. Все это

уменьшило бы эмоциональность и обличительную остроту слов Макара, ослабило бы звучание фразеологических оборотов **не поведет ухом, не двинет ногою** и в целом снизило бы голос протестующего Макара. Следовательно, речевое оформление высказываний главного героя посредством несобственной прямой речи находится в полном соответствии с их основной идеей и идеей всего рассказа.

В настоящее время в науке о русском языке к несобственно-прямой речи принято относить случаи, когда в состав косвенной речи или других синтаксических конструкций вклиниваются модальные слова, привносящие в сообщаемое нечто субъективное от героя:

В избе было четверо дверей, из которых только одна вела наружу, а в другие то и дело входили и выходили какие-то молодые люди в длинных белых рубахах. Макар подумал, что это, **должно быть**, работники здешнего Тойона... Немало удивляло его то обстоятельство, что у каждого работника на спине болтались большие белые крылья, и он подумал, что, **вероятно**, у Тойона есть еще другие работники, так как эти, **наверное**, не могли бы с своими крыльями пробираться сквозь чашу тайги для рубки дров или жердей (стр. 122).

И при первом же взгляде на старого Тойона Макар узнал, что это тот самый старик, которого он видел нарисованным в церкви. Только тут с ним не было сына; Макар подумал, что, **вероятно**, последний ушел по хозяйству (стр. 123—124).

И ему стало стыдно и страшно. Но, взглянув в лицо старого Тойона, он ободрился.

А ободрившись, подумал, что, **быть может**, кое-что удастся и скрыть (стр. 124)

Вообще слова **наверное**, **вероятно** и др. как средство перенесения повествования в модально-субъективную плоскость героя используются В. Г. Короленко очень широко. Много таких примеров, когда предложение, благодаря модальному слову, воспринимается как высказывание героя с оттенками уверенности, предположительности и т. д.

Можно было не опасаться. Владелец ловушек, Алешка чалганец, сосед и кровный враг Макара, **наверное**, был теперь в церкви (стр. 110).

Теперь стало светло — гораздо светлее, чем при начале ночи. Это происходило, **конечно**, оттого, что они (Макар и поп Иван.—А. А.) были гораздо ближе к звездам (стр. 116).

Между другими фигурами Макару попался незнакомый старик; он был, **очевидно**, чалганец... (стр. 119)

Несомненно, во всех предлагаемых примерах модальные слова служат показателем участия героя в повествовании, они выражают точку зрения героя, который рассматривает все сообразно со своим жизненным опытом: например, Макар считает, что у бога есть хозяйство, что ему, как и крестьянину, нужны дрова и жерди...

Но если говорить о несобственно-прямой речи как о треть-

ем, особом синтаксическом способе передачи чужого высказывания, то необходимо указать, какие именно синтаксические конструкции, **отличающиеся** по своему оформлению от **прямой и косвенной речи**, следует сюда относить.

Из процитированных выше примеров, содержащих в своем составе модальные слова, одни являются образцом косвенной речи, присоединенной к авторскому тексту союзом **что**, вторые представляют собой конструкции, изучающиеся в других разделах русского синтаксиса — простые и сложные предложения. Следовательно, грамматического своеобразия несобственно-прямой речи все приведенные примеры не вскрывают. Единственным основанием для выделения несобственно-прямой речи в подобных случаях является смысловой признак, которого, как мы думаем, недостаточно для характеристики самостоятельного средства передачи чужой речи.

Правда, иногда синтаксические категории в современном русском языке распознаются по смыслу, с учетом контекста, ситуации. Например, предложение «Раков едят» в изолированном употреблении относим к неопределенно-личным, а в соответствующем контексте оно может быть отнесено к неполным двусоставным предложениям с пропущенным подлежащим. Но эти, если допустимо так сказать, синтаксические омонимы различаются все же по интонации, по грамматическим признакам при восстановлении главного члена.

Теперь сравним два примера с модальными словами:

.. Это происходило, **конечно**, оттого, что они были гораздо ближе к звездам (стр 116).

Спящий в своей юрте, Макар объективно не мог быть ближе к звездам, так что слово **конечно** раскрывает образ мысли героя, сон которого описывается. Но это же самое слово не является по смыслу показателем точки зрения Макара в таком предложении:

Конечно, он не знал, какое горе лежало на сердце чужих людей, какие воспоминания теснились в их головах в этот вечер, какие образы чудились им в фантастических переливах огня и дыма (стр 106)

При различии смысловых оттенков эти сравниваемые нами предложения не отличаются по грамматическому оформлению.

Все языковеды прямой речью называют такую бессоюзную конструкцию, одна часть которой играет вводящую роль, а другая (или другие) выделенное на письме кавычками чужое высказывание передает от того лица, которому оно принадлежит, с сохранением особенностей его индивидуального стиля.

Всеми лингвистами последовательно к косвенной речи относится сложноподчиненное предложение с союзом или союзным с ювом; главная часть этого предложения вводит чужую речь, переданную в придаточной части (или частях) в основном в стиле автора.

Конечно, в художественной литературе немало примеров, свидетельствующих об отступлении от этих шаблонов: прямая речь, даже не входящая в диалог, встречается без кавычек и без слов автора (например, в произведениях «Федор Бесприютный», «Без языка» В. Г. Короленко); в сложноподчиненном предложении с косвенной речью иногда сохраняются особенности прямого высказывания героя:

Вот теперь трактирщик сказал, что **не дам вам есть**, пока не заплатите за прожитое (Н. В. Гоголь).

Но все это частные случаи, не отражающие самого существенного, что вообще свойственно этим двум средствам передачи чужой речи.

К несобственно-прямой речи, назначение которой также передавать чужое высказывание, следует относить такие конструкции, которые по своей структуре **не совпадают** ни с формами прямой и косвенной речи, ни с другими видами синтаксических построений. На этом основании приведенные примеры из «Сна Макара» с модальными словами мы не отнесли бы к несобственно-прямой речи, так как модальные слова вносят в повествование субъективное начало от героя, но не создают новой грамматической формы.

3. Несобственно-прямая речь, вводящаяся в текст произведения словами автора

Для введения в текст рассказа несобственно-прямой речи В. Г. Короленко использует глаголы мысли или говорения, а также и другие слова, способные выполнять такую функцию.

Почти везде вводящий авторский текст предшествует несобственно-прямой речи, за исключением одного случая, когда передающая часть включена в ее пласт:

Между тем завтра большой праздник, работать нельзя, — что же он будет делать, если не напьется? Эта мысль делала его несчастным. Какая его жизнь! Даже в большой зимний праздник он не выпьет одну бутылку водки! (стр. 105).

На принадлежность вопросительного и восклицательных предложений речи Макара указывает имя существительное **мысль**, которое не требует от несобственно-прямой речи структурной зависимости, так как **мысль** может быть оформлена и в виде повествовательного предложения (например, «Дело было плохо» и т. п.), но слово **несчастливым** определяет передаваемое высказывание как эмоционально окрашенное, отсюда наличие в несобственно-прямой речи вопросительных и восклицательных предложений.

Поскольку предложения несобственно-прямой речи отличаются от авторского вводящего предложения по структуре, по цели высказывания, то и произносятся они с различной

интонацией: вводящее предложение произносится с повествовательной интонацией, а предложения несобственно-прямой речи — с вопросительной и восклицательной. Как это обычно бывает и при включении слов автора в прямую речь, передающая часть (в данном случае предложение «Эта мысль делала его несчастным») с обеих сторон выделяется паузами.

Во всех остальных конструкциях несобственно-прямая речь данной группы в рассказе «Сон Макара» стоит после слов автора, что, кроме повествовательного значения, повышает ее роль и как одного из средств самохарактеристики героя.

Макар осердился. От попов он не видал никакого толку: получают ругу, а не научили даже, когда надо дать татарину листок табаку, чтобы получить отпущение грехов. Шутка ли: сто грехов.. и всего за один листочек!.. Это ведь чего-нибудь стоит! (стр 118).

Глагол **осердился** не имеет значения говорения, однако указывает, что последующие предложения воспроизводят мысли, а может, и слова героя, произнесенные им вслух, с определенным эмоциональным оттенком. Многоточие, указывающее на прерывистость, взволнованность речи, а также и восклицательные предложения находятся здесь в полном соответствии с лексическим значением вводящего глагола **осердился**, который определяет синтаксическое построение несобственно-прямой речи и ее модальную окраску.

Есть в рассказе и другие подобные примеры, когда предшествующий чужой речи авторский глагол, не имея лексического значения говорения или мысли, характеризует переданную речь со стороны ее эмоциональной окраски:

Макару стало еще более жаль старика, и он порадовался от души, что ему не удалось уйти на «гору» Его старуха была громадная, рослая старуха, и ему нести ее было бы еще труднее. А если бы, вдобавок, она стала пинать его ногою, как быка, то, наверное, скоро заездила бы до второй смерти (стр 120).

Глагол **порадовался** раскрывает внутреннее состояние Макара, переживаемое им чувство радости, и это связывается на оформлении несобственно-прямой речи: в первом выделенном предложении подлежащее и именная часть сказуемого выражены одним и тем же именем существительным — **старуха** с относящимися к нему словами, что опять-таки свойственно эмоциональной речи. О непринужденности, разговорном характере высказывания свидетельствует лексика второго предложения (**вдобавок, заездила бы до второй смерти; пинать, как быка**). Попутно заметим, что о **второй смерти** мог подумать только Макар, так как автор хорошо знает, что его герой видит сон и на самом деле жив. Следовательно, кроме лексико-грамматических признаков несобственно-пря-

мой речи, здесь еще необходимо указать и на смысловой признак.

В рассказе «Сон Макара» есть случаи, когда несобственно-прямой речи хотя и предшествуют вводящие слова автора, но по синтаксическому построению она не отличается от авторского контекста, так что между передаваемой речью героя и словами автора трудно провести грань.

Макар помолчал немного и тогда уже счел возможным расспросить старика, кто он и откуда плетется.

Старик назвался. Давно уже, — сам он не знает, сколько лет назад, — он оставил Чалган и ушел на «гору» спасаться

Там он ничего не делал, ел только морошку и корни, не пахал, не сеял, не молот на жернове хлеба и не платил податей. Когда он умер, то пришел к Тойону на суд. Тойон спросил, кто он и что делал. Он рассказал, что ушел на «гору» и спасался. «Хорошо, — сказал Тойон, — а где же твоя старуха? Поди, приведи сюда твою старуху». И он пошел за старухой, а старуха перед смертью нобиралась, и ее некому было кормить, и у нее не было ни дома, ни коровы, ни хлеба. Она ослабела и не может волочить ног. И он теперь должен тащить к Тойону старуху на себе (стр. 120).

Данный пример, на наш взгляд, представляет собой явление сложное для анализа. Рассмотрим его по частям.

В самом начале в форме косвенной речи передаются вопросы Макара, обращенные к встретившемуся с ним по пути на «небесный суд» старику-чалганцу. Предикативное словосочетание **старик назвался** заключает в себе ответ на вопрос, **кто он**, и как бы указывает на то, что старик вступил с Макаром в разговор и в дальнейшем изложении передаются его ответы на вопрос, **откуда он плетется**. Однако между словами **старик назвался** и следующими предложениями явно отсутствует какое-то промежуточное звено с глаголом речи, вроде «он рассказал, сказал, ответил» и т. д., а сами ответы старика оформлены как отдельные самостоятельные предложения. Все это не позволяет данную часть приведенного примера рассматривать как косвенную речь, специфической формой которой считается сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным.

Итак, пропуск промежуточных звеньев в повествовании (или, как говорит акад. В. В. Виноградов, «ощущение перерыва») может здесь служить показателем постепенного перехода В. Г. Короленко к несобственно-прямой речи. Но предложения «**Давно уже, — сам он не знает, сколько лет назад, — он оставил Чалган и ушел на «гору» спасаться**». «**Он рассказал, что ушел на «гору» и спасался**», пожалуй, больше оснований признать авторскими, так как в них слово **гора** выделяется кавычками, как элемент чужой речи, и тем самым противопоставляется остальному тексту, вследствие чего разрушается свойственная несобственно-прямой речи двуплановость.

Что же касается описания жизни старика на «горе» («Там он ничего не делал, ел только морошку и корни, не пахал, не сеял, не молот на жернове хлеба и не платил податей»), то оно хотя по своему синтаксическому построению ничем не отличается от авторской речи, но по эмоциональной окраске, а также по смысловому содержанию принадлежит, конечно, герою (старик-чалганцу). Нельзя не заметить, что образ жизни старика на «горе» полностью соответствует тому, как представлял себе свое «спасение» и Макар, когда думал о поисках этого чудесного места. Его высказывания на этот счет приведены нами на стр. 116 статьи:

Когда он бывал пьян, он плакал. «Какая наша жизнь, — говорил он, — господи боже!» Кроме того, он говорил иногда, что желал бы все бросить и уйти на «гору». Там он не будет ни пахать, ни сеять, не будет рубить и возить дрова, не будет даже молоть зерно на ручном жернове. Он будет только спасаться... и т. д.

Это абсолютное сходство высказываний двух персонажей о «спасении» не оставляет сомнения в наличии несобственно-прямой речи в том месте повествования, где описывается жизнь земляка Макара на «горе», хотя, повторяем, по синтаксическому построению несобственно-прямая речь не отличается здесь от авторского текста и выделяется лишь по смыслу, а главное, на основании имеющегося вводящего предложения, указывающего, что ниже последует чужая речь, хотя в ней и не сохранены индивидуальные речевые особенности героев, так как рассказ в целом написан в стиле автора. В связи с этим в «Сне Макара» также сжато, в основном в стиле автора передаются слова и мысли героев, оформленные как косвенная речь:

Кроме того, он говорит иногда, что желал бы все бросить и уйти на «гору».

Или:

Он подумал, что теперь ему очень удобно ходить по чужим лужкам, так как никто об этом не может узнать... (стр. 115)

Теперь разберем оставшуюся часть примера, приведенного на предыдущей странице. — последний абзац (**И он пошел за старухой** и т. д. до конца). Здесь в построении предложений несобственно-прямой речи имеется некоторая особенность: характерный для разговорной речи словесный повтор, благодаря чему сосредоточивается внимание на том, о чем говорится в предшествующем высказывании, в данном случае в прямой речи Тойона, содержащей приказание:

«Хорошо, — сказал Тойон, — а где же твоя старуха? Поди, приведи сюда твою старуху». И он пошел за старухой, а старуха перед смертью побиралась, и ее некому было кормить, и у нее не было ни дома, ни коровы, ни хлеба. Она ослабела и не может волочить ног. И он теперь должен тащить к Тойону старуху на себе.

Нам кажется, что построение первого предложения несобственно-прямой речи, начинающегося с союза **и**, обусловлено структурой предшествующей прямой речи Тойона: **«Поди, приходи сюда твою старуху»**. Иначе в предложении **«И он пошел за старухой»** и т. д. союз **и** в самом начале был бы неуместным.

Таким образом, перед нами случай, когда несобственно-прямая речь тесно связана с прямой речью и образует с ней единство с зависимостью синтаксической структуры последующей части от структуры предыдущей части. Именно эта структурная особенность анализируемого отрывка (словесный повтор) отличает его от авторского повествования и помогает обнаружить наличие в этом абзаце несобственно-прямой речи с характерной для нее разговорной непринужденностью, что, между прочим, достигается и отбором соответствующих лексических средств: **не может волочить ног, тащить старуху на себе** и т. д.

Союз **и**, далее многократно повторяющийся во всем этом абзаце, играет усилительную роль, придает высказыванию эмоциональную окраску, как бы сближает повествование с народно-поэтическим стилем.

Наибольший интерес в отношении соответствия идейного содержания и языковой формы представляют собой монологические высказывания Макара, которые являются ответом на несправедливый приговор большого Тойона.

Монологи Макара, произнесенные им на небесном судилище и переданные автором при помощи несобственно-прямой речи, необходимо выделить особо, так как в использовании этого средства воспроизведения чужого высказывания в данном рассказе В. Г. Короленко есть некоторое своеобразие, не повторяющееся у других классиков русской литературы, а именно: несобственно-прямая речь применяется как **средство построения длительного диалога** Макара и Тойона.

Обычно в диалог включаются прямые высказывания собеседников. Но в рассказе В. Г. Короленко на прямые вопросы Тойона следуют ответы Макара в форме несобственно-прямой речи.

Вот Макар, возмущенный несправедливостью, говорит:

...И пусть не думают, что ему страшно положение мерина: трапезник гоняет мерина, но кормит его овсом, а его гоняли всю жизнь, но овсом никогда не кормили (см. монолог на стр. 117 статьи).

— Кто тебя гонял? — спросил старый Тойон с сердцем.

Да, его гоняли всю жизнь! Гоняли старосты и старшины, заседатели и исправники, требуя подати; гоняли попы, требуя ругу; гоняла нужда и голод; гоняли морозы и жары, дожди и засухи; гоняла промерзшая земля и злая тайга!.. Скотина идет вперед и смотрит в землю, не зная, куда ее гонят... И он также. Разве он знал, что поп читает в церкви и за что идет ему руга? Разве он знал, зачем и

куда увели его старшего сына, которого взяли в солдаты, и где он умер, и где теперь лежат его бедные кости?

Говорят, он лил много водки? Конечно, это правда: его сердце просило водки..

— Сколько, говоришь ты, бутылок?

— Четыреста, — ответил поп Иван, заглянув в книгу

Хорошо! Но разве это была водка? Три четверти было воды и только одна четверть настоящей водки, да еще настой табаку. Стало быть, триста бутылок надо скинуть со счета.

— Правду ли он говорит все это? — спросил старый Тойон у попа Ивана, и видно было, что он еще сердится.

— Чистую правду, — торопливо ответил поп, а Макар продолжал

Он прибавил тринадцать тысяч жердей? Пусть так! Пусть он нарубил только шестнадцать тысяч. А разве этого мало? И, притом, две тысячи он рубил, когда у него была больна первая его жена.. И у него было тяжело на сердце, и он хотел сидеть у своей старухи, а нужда его гнала в тайгу... И в тайге он плакал, и слезы мерзли у него на ресницах, и от горя холод проникал до самого сердца... А он рубил!

А после баба умерла. Ее надо было хоронить, а у него не было денег. И он нанялся рубить дрова, чтобы заплатить за женин дом на том свете.. А купец увидел, что ему нужна и дал только по десяти копеек... И старуха лежала одна в нетопленной мерзлой избе, а он опять рубил и плакал. Он полагал, что эти возы надо считать впятеро и даже более

У старого Тойона показались на глазах слезы, и Макар увидел, что чашки весов колыхнулись, и деревянная приподнялась, а золотая опустилась

А Макар продолжал у них все записано в книге.. Пусть же они поищут: когда он испытал от кого-нибудь ласку, привет или радость? Где его дети? Когда они умирали, ему было горько и тяжело, а когда вырастали, то уходили от него, чтобы в одиночку биться с тяжелою нуждой. И он состарился один со своей старухой и видел, как его оставляют силы и подходит злая, бесприютная дряхлость. Они стояли одинокие, как стоят в степи две сиротливые елки, которых бьют отовсюду жестокие метели (стр. 127—128)

— Лицо твое темное, — продолжал старый Тойон, — глаза мутные и одежда разорвана. А сердце твое поросло бурьяном, и горнем, и горькою польнью. Вот почему я люблю моих праведных и отвращаю лицо от подобных тебе нечестивцев

Сердце Макара сжалось. Он чувствовал стыд собственного существования. Он было понурил голову, но вдруг поднял ее и заговорил опять

О каких это праведниках говорит Тойон? Если о тех, что жили на земле в одно время с Макаром в богатых хоромах, то Макар их знает.... Глаза их ясны, потому что не проливали слез столько, сколько их пролил Макар, и лица их светлы, потому что обмыты духами, а чистые одежды сотканы чужими руками.

Макар опять понурил голову, но тотчас же опять поднял ее

А между тем разве он не видит, что и он родился, как другие, — с ясными, открытыми очами, в которых отражались земля и небо, и с чистым сердцем, готовым раскрыться на все прекрасное в мире? И если теперь он желает скрыть под землею свою мрачную и позорную фигуру, то в этом вина не его. А чья же? — Этого он не знает... Но он знает одно, что в сердце его истощилось терпение (стр. 129)

В приведенном здесь диалоге, как это часто и наблюдается в художественной литературе, кое-где совсем не комменти-

руется речь Макара, и принадлежность сказанного именно ему мы устанавливаем по контексту, по смысловому содержанию.

В некоторых из авторских ремарок пропущен глагол речи, но окружающие этот пропущенный глагол слова помогают его восстановить, например:

А Макар продолжал: **у них все записано в книге** и т. д.

Глагол **продолжал** в данной ситуации в полной ремарке имел бы при себе инфинитив **говорить** или другой какой-либо синонимичный этому глагол.

При наличии соответствующего инфинитива у слова **продолжал** сохранялась бы функция вспомогательного глагола. С пропуском же инфинитива на него перетягивается логическое ударение, и повышается значение этого глагола как самостоятельного: он подчеркивает активную роль Макара в диалоге, указывает на большой объем его высказываний.

Кстати, подчеркнем, что в анализируемом рассказе данный случай является единственным, когда несобственно-прямая речь соединена со словами автора бессоюзной связью. Бессоюзную синтаксическую связь несобственно-прямой речи с авторским контекстом, как кажется, можно объяснить тем, что небольшое по объему авторское предложение «А Макар продолжал» является не только интонационно, но и по смыслу не законченным, поэтому оно не может быть самостоятельным и синтаксически, вследствие чего входит в одну конструкцию с первым предложением несобственно-прямой речи («А Макар продолжал: у них все записано в книге...»).

Пропуск глагола речи в рассматриваемом нами диалоге объясняется иногда тем, что он уже употреблялся в предшествующем высказывании:

Он было понурил голову, но вдруг поднял ее и заговорил опять.

О каких это праведниках говорит Тойон? и т. д.

И далее:

Макар опять понурил голову, но тотчас же опять поднял ее.

А между тем разве он не видит, что и он родился, как другие, — с ясными, открытыми глазами... и т. д.

Во втором примере пропущен глагол, который можно восстановить так: «Макар опять понурил голову, но тотчас же опять поднял ее и **заговорил**».

В отличие от слов автора, предшествующих прямой речи и составляющих с ней одну сложную конструкцию, препозитивные авторские предложения у В. Г. Короленко не входят в одну конструкцию с несобственно-прямой речью и оформлены как грамматически самостоятельные, хотя как по смыслу, так и по интонации их едва ли следует признавать полностью законченными. Некоторая обусловленность синтаксической структуры несобственно-прямой речи характером вводящего

предложения (как это было показано выше) также свидетельствует о тесной связи этих частей.

Лексическим значением глаголов, входящих в авторское вводящее предложение, подтверждается, что несобственно-прямая речь воспроизводит и сказанное вслух («Макар начал с того...», «...заговорил опять», «...а Макар продолжал»), и внутреннюю речь («Эта мысль делала его несчастным»).

Итак, в рассказе «Сон Макара» авторский текст и несобственно-прямая речь, как правило, разделены точкой. Этого, по всей видимости, требует сама структура несобственно-прямой речи: обилие отдельных восклицательных предложений, риторических вопросов, побудительных предложений, которые, образуя сложное синтаксическое целое, оказываются оторванными от авторского текста вследствие многообразия своего грамматического оформления и большого объема. В этих условиях все внимание перетягивается на несобственно-прямую речь, а нить авторского рассказа, представленная сравнительно небольшими предложениями, совсем теряется. Вследствие этого несобственно-прямая речь уже выступает, в отличие от прямой речи, не как дополнительный к авторскому тексту материал, а, выполняя функцию изобразительную, перетягивает на себя в данном рассказе и повествовательную функцию, и функцию характеристики персонажа.

Хотя характер соединения авторских слов с несобственно-прямой речью, как мы думаем, требует глубокого дальнейшего изучения, но применительно к конкретным примерам из рассказа В. Г. Короленко можно будет, пожалуй, сказать, что оформление несобственно-прямой речи в виде отдельных от авторского текста предложений (а не соединение их бессоюзной связью) имеет и определенное значение—не создается резкой разграниченности между повествующим автором и переживающим все происходящее героем, их голоса в таком случае в повествовании совмещаются, ярче выступает единство автора и героя. Полное совпадение идейной позиции автора с точкой зрения героя как раз и наблюдается в «Сне Макара».

Интересно отметить еще одну особенность несобственно-прямой речи Макара, характерную для разговора между двумя или несколькими лицами: свои высказывания Макар начинает с повторения того, что сказал его собеседник, как бы отталкиваясь от этих слов и обращая на них все свое внимание. Например:

Кто тебя гонял? — спросил старый Тойон с сердцем.
Да, его гоняли всю жизнь...

Говорят, он пил много водки? Конечно, это правда: его сердце просило водки.

Он прибавил тринадцать тысяч жердей? Пусть так!..

...У них все записано в книге.. Пусть же они поищут: когда он испытал от кого-нибудь ласку... и т. д.

Таким образом, Макар поочередно обращается к каждому из предъявленных ему обвинений и опровергает их одно за другим.

Поскольку несобственно-прямая речь у В. Г. Короленко в рассказе «Сон Макара» применяется наравне с прямой речью для передачи в разговоре ответов на вопросы, возражений, то, следовательно, она выполняет здесь, как прямая речь, **коммуникативную функцию**. Это и обуславливает такие ее особенности, как логическая последовательность, стройность, исключительная эмоциональность, поднимающаяся до публицистического пафоса, что достигается соответствующими грамматическими средствами: в монологах Макара преобладают восклицательные предложения, вопросы, на которые можно ответить только отрицательно («Разве он знал, что поп читает в церкви и за что идет ему руга?», «Разве он знал, зачем и куда увели его старшего сына, которого взяли в солдаты, и где он умер, и где теперь лежат его бедные кости?», «Но разве это была водка?», «Пусть он нарубил только шестнадцать тысяч... А разве этого мало?» и др.). Большая часть предложений несобственно-прямой речи Макара в печатном тексте заканчивается многоточием, которое также подчеркивает взволнованность, многозначительное умолчание, недосказанность, глубокий подтекст.

Сближают с публицистическим стилем несобственно-прямую речь Макара единоначатия, усиливающие высказывание: «Да, его **гоняли** всю жизнь! **Гоняли** старосты..., **гоняли** попы..., **гоняли** нужда и голод, **гоняли** морозы и жары..., **гоняла** промерзшая земля и злая тайга!.. **Разве** он знал, что поп читает в церкви?.. **Разве** он знал, зачем и куда увели его старшего сына?.. **А разве** этого мало?».

По своей обличительной силе высказывания Макара на небесном суде созвучны гневному монологу некрасовского крестьянина Якима Нагого из поэмы «Кому на Руси жить хорошо». Таким образом, несобственно-прямая речь в данном произведении является одним из средств создания типического образа крестьянина-бедняка в пореформенной России. Однако, как кажется, несобственно-прямую речь в рассказе «Сон Макара» едва ли следует учитывать при выявлении речевых особенностей Макара — объякутившегося русского крестьянина, который, как говорит автор, «никогда в жизни не произносил более десяти слов кряду» и ощутил в себе дар слова лишь в фантастическом сне.

Высказывания своего героя В. Г. Короленко передает главным образом посредством несобственно-прямой речи, а прямая речь в этих целях в рассказе используется нешироко, что,

думается, можно объяснить идейным замыслом произведения. Писатель ставит своей целью показать, как из крохотных, смутных надежд **на спасение где-то на горе** постепенно вырастает в душе забитого, бедного крестьянина ясное осознание причин его страданий, как вековой страх переходит в гнев. И Макар смело бросает слово правды в лицо великому Тойону, попу, исправнику, купцу — всем виновникам его вековой нищеты. На суде у Тойона заговорил забитый, опустившийся крестьянин, почувствовавший стыд собственного существования.

Чтобы показать все это, автору потребовалась соответствующая художественная форма — приподнятое повествование. А так как у В. Г. Короленко основная мысль рассказа выражается устами бессловесного крестьянина, то форма несобственно-прямой речи для разоблачения «**сильных мира сего**» оказалась в этом произведении наиболее эффективной, если не единственно возможной.

Правда, история освободительного движения в России в 80-е годы прошлого столетия еще не знала случаев признания эксплуататорами прав народа, как это мы видим в финальной картине суда:

Но старый Тойон сказал ему:
— Погоди, бараксан! Ты не на земле.
Здесь и для тебя найдется правда... (стр. 130)

Но В. Г. Короленко говорит о торжестве правды не в настоящем, а в будущем, поэтому он, не отступая от реалистического метода, прибегает к художественному приему сна. Следовательно, прием сна оправдывает и основное содержание рассказа, и его форму.

Если хотя бы бегло пронаблюдать прямую речь Макара, в которой нет доли участия автора, то нетрудно заметить однообразие ее лексического состава, о чем говорит повторение одних и тех же слов:

Я вас **люблю**, верно!.. Так **люблю**, так **люблю**..
Ночи не сплю..
.. Нет ли жареного? Я **люблю**, — сказал он.
Ладно. Ужо, чай выпью, скажу (стр. 106).
Что ты нынче такой стал строгий?
Молчи **ужо**... (стр. 116).
Ладно ужо! Поезжай на коне, а я, **брат**, сделаю на тебя прошение (стр. 118).
Это хорошо!.. Вот, **брат**, хорошо .. Отлично! (стр. 106)...

Таким образом, слова **ладно, ужо, брат** (в роли обращения), **проклятый, пропадать буду** (в значении «погибать») активно употребляются Макаром; но в лексическом составе несобственно-прямой речи эта особенность его языка не проявляется. Отсюда, пожалуй, допустимо сделать вывод, что несобственно-прямая речь в «Сне Макара», плавная и страст-

ная, — это протестующая речь самого В. Г. Короленко, изложенная с позиций угнетенного народа. В пользу этого мнения говорит не только ее лексический состав, но и синтаксическое построение.

Некоторые монологи, в которых передаются в форме несобственно-прямой речи высказывания Макара, явно содержат в себе черты авторского языка. Вот пример, который нами еще не рассматривался:

Над самым телом Макара, толкая его ногою, стоял старый попик Иван. .

Это был добрый попик. Он никогда не притеснял Макара насчет руги, никогда не требовал даже денег за требы. Макар сам назначал ему плату за крестины и за молебны и теперь со стыдом вспомнил, что иногда платил маловато, а порой не платил вовсе.

Поп Иван не обижался; ему требовалось одно: всякий раз надо было поставить бутылку водки. Если у Макара не было денег, поп Иван сам посылал за бутылкой, и они пили вместе. Попик напивался непременно до положения риз, но при этом дрался очень редко и не сильно. Макар доставлял его, беспомощного и беззащитного, домой на попечение матушки-попадьи.

Да, это был добрый попик, но умер он нехорошею смертью. Однажды, когда все вышли из дому и пьяный попик остался один лежать на постели, ему вздумалось покурить. Он встал и, шатаясь, подошел к огромному, жарко натопленному камельку, чтобы закурить у югня трубку. Он был слишком уж пьян, покачнулся и упал в огонь. Когда пришли домочадцы, от попа остались лишь ноги.

Все жалели доброго попа Ивана, но так как от него остались одни только ноги, то вылечить его не мог уже ни один доктор в мире. Ноги похоронили, а на место попа Ивана назначили другого.

Теперь этот попик, в целом виде, стоял над Макаром и поталкивал его ногою (стр. 114—115).

В этом отрывке преобладают сложные синтаксические конструкции (сложносочиненные и сложноподчиненные предложения; предложения простые, осложненные однородными и обособленными второстепенными членами), встречаются элементы книжной лексики (фразеологический оборот **напивался до положения риз**, слова **доставлял на попечение, домочадцы, причастие натопленный**), и все это, безусловно, является принадлежностью авторского стиля. Но, с другой стороны, здесь чувствуется и голос героя: описание прошлого дается через призму его воспоминаний и с его субъективной оценкой (**дрался не сильно; Да, это был добрый попик, но умер он нехорошею смертью**). Между прочим, в приведенном отрывке слово **поп** употребляется то как нейтральное, то с экспрессивной окраской — **попик**. Таким образом, здесь наблюдается совмещение двух речевых линий. Следовательно, в процитированном отрывке в основе несобственно-прямой речи лежит авторский стиль, расцвеченный элементами языка героя.

На сходство стилей авторского описания и несобственно-прямой речи указывает, в частности, повторяющееся в начале предложения **и** в функции усилительного союза, например:

а) в несобственно-прямой речи:

А между тем работники кинули на золотую чашку Макаровы жерди, и его дрова, и его пахоту, и всю работу. И всего оказалось так много, что золотая чашка весов опустилась, а деревянная поднялась высоко-высоко, и ее нельзя было достать руками, и молодые божьи работницы взлетели на своих крыльях, и целая сотня тянула ее веревками вниз.

Тяжела была работа чалганца! (стр. 125).

Он прибавил тринадцать тысяч жердей? Пусть так! Пусть он нарубил только шестнадцать тысяч. А разве этого мало? И, притом, две тысячи он рубил, когда у него была больна первая его жена... И у него было тяжело на сердце, и он хотел сидеть у своей старухи, а нужда его гнала в тайгу... И в тайге он плакал, и слезы мерзли у него на ресницах, и с горя холод проникал до самого сердца... А он рубил.

А после баба умерла. Ее надо было хоронить, а у него не было денег. И он нанялся рубить дрова, чтобы заплатить за женин дом на том свете... А купец увидел, что ему нужна, и дал только по десяти копеек... И старуха лежала одна в нетопленной мерзлой избе, а он опять рубил и плакал (стр. 127—128).

б) в авторском повествовании:

И в одном месте, на востоке, туманы стали светлее, точно воины, одетые в золото.

И потом туманы заколыхались, золотые воины наклонились долу.

И из-за них вышло солнце и стало на их золотистых хребтах и оглянуло равнину.

И равнина вся засияла невиданным ослепительным светом.

И туманы торжественно поднялись огромным хороводом, разорвались на западе и, колеблясь, понеслись кверху.

И Макару казалось, что он слышит чудную песню (стр. 121—122).

— Отдать этого ленивца трапезнику в мерины...

И только что старый Тойон сказал это слово, как дверь отворилась и в избу вошел сын старого Тойона и сел от него по правую руку.

И сын сказал... (стр. 126).

— Погоди, бараксан! Ты не на земле... Здесь и для тебя найдется правда...

И Макар дрогнул. На сердце его пало сознание, что его жалели... И он заплакал.

И старый Тойон тоже плакал... И плакал старый попик Иван, и молодые божьи работники лили слезы, утирая их широкими белыми рукавами (стр. 130).

Вследствие повторения и создается романтический, напевный, сказочный стиль, что полностью соответствует фантастическому сюжету рассказа.

На близость авторского стиля и строя несобственно-прямой речи указывают и предельно сжатые предложения, например, в описании автором самочувствия Макара:

Он устал. Он был подавлен. Ноги подкашивались. Его избитое тело ныло тупою болью. Дыхание в груди захватывало. Руки и ноги коченели. Обнаженную голову стягивало, точно раскаленными обручами (стр. 113).

Как видно из приведенных выше примеров, высказывания Макара также состоят в основном из коротких восклицательных предложений.

* * *

Весь языковой материал несобственно-прямой речи в «Сне Макара» принадлежит в основном самому автору, так что в ней отражены лишь некоторые лексические и синтаксические особенности речи Макара — главного героя рассказа.

Это, конечно, не является общей закономерностью для несобственно-прямой речи вообще, а обусловлено содержанием данного рассказа, в котором точки зрения автора и героя совпадают, автор сочувственно относится к своему «бедному Макару», верит, что народ проснется, «исполненный сил», скажет в будущем свое слово. У В. Г. Короленко не было задачи ограничить себя от героя, поэтому он не привлекает никаких дополнительных средств языка для выражения своей идейной позиции. Здесь устами забитого Макара говорит сам автор. Речь темного, забитого крестьянина — это нормированная литературная речь. Прием фантастического сна оправдывает это отступление писателя от реальной действительности.

Проделанные наблюдения приводят к выводу, что рассказ отличается единообразием и стройностью формы. Как в авторском тексте, так и в несобственно-прямой речи, которая занимает значительное место в повествовании, особенно в последней части произведения, мы находим многие сходные черты. элементы сказочного, романтического стиля, общий приподнятый тон изложения, преобладание коротких предложений в авторском описании и в монологах Макара, что способствует быстрому развитию действия.

Вследствие того что лексический и синтаксический состав несобственно-прямой речи однороден с речью автора, в «Сне Макара» иногда было бы очень трудно уловить переходы от авторского речевого плана к речевому плану героя и наоборот. Но, как свидетельствует фактический материал, всем высказываниям героя, за исключением редких случаев, предшествуют вводящие слова автора, которые прямо указывают на то, что передается чужая речь, готовят читателя к ее восприятию.

Лексическое значение вводящих глаголов (**запел, заговорил, начал, подумал** и др.) свидетельствует, что передается внешняя и внутренняя речь (мысль) Макара. Это дает основание для возражения Н. С. Пospelову и другим лингвистам, которые утверждают, что несобственно-прямая речь «.. не является воспроизведением чего-либо уже высказанного ранее, а служит в составе авторской речи способом непосред-

ственной, «прямой» передачи от лица автора внутренней речи персонажа, его размышлений, недоумений, вопросов»¹.

Очевидно, решение этого вопроса зависит от художественных особенностей того или иного конкретного произведения. Можно только склониться к мнению, учитывая те выводы, к которым пришли некоторые исследователи, что для передачи внутренних монологов несобственно-прямая речь употребляется чаще.

Правда, все монологи Макара, введенные автором при помощи глаголов речи и мысли, произнесены им во сне, поэтому можно было бы говорить в данном случае о внутренней речи спящего. Но если учесть, во-первых, что сон описывается не как отдельный эпизод из жизни Макара, а составляет основное содержание рассказа и используется здесь как аллегорический прием, и если, во-вторых, принять во внимание логическую стройность высказываний Макара, последовательность и обоснованность его суждений, обнаруживающих ясность работы мысли, чего не бывает во сне, то можно прийти к заключению, что в рассмотренных выше примерах посредством несобственно-прямой речи передается чаще всего сказанное вслух.

Несобственно-прямая речь в данном рассказе В. Г. Короленко является основным приемом передачи чужого высказывания, вследствие этого ее роль в раскрытии образа Макара исключительно велика. Кроме того, наравне с прямыми высказываниями Макара или воспроизведенными косвенно, несобственно-прямая речь как составная часть диалога служит пружиной развития сюжета, а не только, как это обычно наблюдается у других писателей, отвечает целям характеристики героя.

Во всех рассмотренных нами примерах переданные автором посредством несобственно-прямой речи высказывания по форме личных местоимений и глагольных форм сходны с косвенной речью, а по синтаксическому строю, по приемам передачи эмоциональности, по интонации они аналогичны прямой речи.

В связи с тем, что в монологах Макара передается страстная, протестующая речь крестьянина, который подводит итоги прожитой им безрадостной жизни и, преодолев страх, смело предъявляет свой счет великому Тойону, в несобственно-прямой речи чаще всего встречаются восклицательные предложения, риторические вопросы, на которые герой сам дает ответ словами «да» или «нет»; в отдельных предложениях

---

¹ Н. С. Поспелов, Несобственно-прямая речь и формы ее выражения в художественной прозе Гончарова 30—40-х гг. «Материалы и исследования по истории русского литературного языка», том IV, изд. АН СССР, М., 1957, стр. 239.

экспрессивная окраска придается соответствующими словами или выражениями, обратным порядком слов, единоначатием некоторых высказываний, модальными словами, наконец, повторением Макаром слов, ранее сказанных Тойоном. Все это выделяет несобственно-прямую речь на фоне авторского текста и сближает ее с прямой речью.

Очень часто голос героя улавливается и по взволнованной интонации, которая графически передана многоточием.

Принадлежность высказывания герою можно определить и по смыслу: в таких случаях содержащееся в нем сообщение является для читателя неожиданным, неизвестным из предшествующего повествования (например, история о попе Иване, которая дана в воспоминаниях Макара). Иногда высказывание отражает чисто субъективную точку зрения героя, соответствующую образу его мыслей, взглядам, настроению в тот или иной момент и не может относиться к объективному авторскому повествованию (например, в данном рассказе описание того, как сон постепенно овладевал Макаром).

Но, говоря об объективности автора, уместно будет отметить, что произведение в целом, во всей совокупности своих компонентов (образы, композиция, язык и др.), всегда тенденциозно и отражает в какой-то мере мировоззрение самого автора, так что герои говорят и действуют так, а не иначе согласно идейному замыслу писателя. В реалистическом произведении герой — не схема готовых формул автора, а живой образ, часто яркая индивидуальность, и у творца произведения литературы могут быть свои «разногласия» с героем. Вероятно, в этом смысле и нужно понимать объективность автора и субъективность героя, когда мы стремимся определить границы несобственно-прямой речи в тексте повествования.

Так как несобственно-прямая речь большинством языковедов ставится в один ряд с прямой и косвенной речью как особая разновидность передачи чужого высказывания, то необходимо указать на ее грамматическое отличие от прямой и косвенной речи.

Отличие построения несобственно-прямой речи от первых двух средств сообщения чужого высказывания следует искать, наверное, в характере ее связи с вводящим авторским текстом.

В рассказе используются те же приемы введения несобственно-прямой речи, которые применяются и при введении в текст авторского повествования прямой речи. Различие наблюдается лишь в характере связи вводящих слов и несобственно-прямой речи. В этом, пожалуй, и заключается самое существенное отличие всех трех видов передачи чужой речи. Если, например, не учитывать характер связи авторского текста с передаваемым чужим высказыванием, то прямую речь также можно признать лишенной специфики **синтаксиче-**

ского оформления, так как прямая речь, как известно, тоже может быть выражена самыми разнообразными конструкциями и по составу, и по цели высказывания, и по интонации.

Если несобственно-прямая речь имеет общие черты с прямой и косвенной речью в структуре воспроизводимого чужого высказывания, в употреблении в нем форм глаголов и местоимений, то она отличается от каждой из них по способам связи передаваемой части с авторским текстом.

Не претендуя на полное освещение вопроса о специфике оформления несобственно-прямой речи, выделим те конструкции, которые, по нашему мнению, следует относить к этой синтаксической разновидности передачи чужого высказывания.

1. Бессоюзное соединение слов автора-рассказчика с передаваемой чужой речью, сообщенной от 3-го лица с различной степенью сохранения индивидуальных особенностей языка того, кому принадлежит передаваемое высказывание (например. «А Макар продолжал у них все записано в книге...»).

2. Чужое высказывание (состоящее из одного предложения или группы предложений), находящееся как в препозитивном, так и в постпозитивном положении по отношению к авторскому вводящему тексту и отделенное от него на письме точкой. Конструкции такого типа преобладают в «Сне Макара» («Макар опять понурил голову, но тотчас же опять поднял ее. А между тем разве он не видит, что и он родился. как другие, — с ясными, открытыми очами...», «Между тем завтра большой праздник, работать нельзя, — что же он будет делать, если не напьется? Эта мысль делала его несчастным» и др.). Сюда же следует включать случаи, когда косвенная речь переходит в несобственно-прямую.

3. Кроме указанных в 1 и 2 пунктах грамматических признаков несобственно-прямой речи, необходимо учитывать и смысловой ее признак — совмещение субъектно-речевых планов. Этот смысловой признак должен обязательно содержаться в конструкциях указанного типа.

Предложения, которые не комментируются словами автора, но по цели высказывания, по модальной окраске и по особенностям структуры ярко выделяются на остальном фоне авторского повествования, при наличии этого смыслового признака также следует относить к несобственно-прямой речи («Он не выдержал и, встав с постели, направился к своему верному лысанке, чтобы ехать в тайгу.

Что это? Неужели сильные руки старухи схватили за воротник его соны, и он опять брошен на постель?»).

Пропуском слов автора достигается резкий переход от спокойного авторского описания к взволнованной речи героя. Как и в случаях пропуска слов автора при прямой речи, про-

пущенные вводящие слова при несобственно прямой речи легко восстановить по окружающему тексту. Если употребление прямой речи без слов автора — явление сравнительно редкое (вне диалога), то переход от авторского повествования к несобственно прямой речи без предупреждения читателя стал нормой в художественной прозе нашего времени. Однако пропуск вводящих слов при несобственно-прямой речи связан со стилистическими задачами писателя и ее грамматическим признаком не является.

Между вводящими словами автора и несобственно-прямой речью обнаруживается структурная, смысловая и интонационная взаимообусловленность.

Если в основу классификации разновидностей чужой речи положить характер связи передаваемой части с передающей, конечно, с учетом особенностей употребления в них личных форм глаголов и местоимений, то конструкции, в которых чужое высказывание соединено со словами автора подчинительным союзом, независимо от близости к прямой речи (наличие модальных слов, частиц, в отдельных случаях форм I лица и т. д.), следует рассматривать как одно из видоизменений косвенной речи («Вот теперь трактирщик сказал, что не дам вам есть, пока не заплатите за прожитое» — Н. В. Гоголь)

Остающиеся в рамках авторского повествования отдельные элементы индивидуальной речи героя или слова, отражающие его точку зрения на сообщаемое, не следует включать в объем несобственно-прямой речи — особого **синтаксического** средства передачи чужого высказывания.

Так как несобственно-прямая речь имеет одно и то же значение с прямой и косвенной речью и представляет собой явление развивающееся в современном русском языке, то для учащихся средней школы, особенно для старшеклассников, было бы весьма полезным хотя бы общее знакомство с этой широко распространенной разновидностью чужой речи. Это помогло бы словесникам проводить более глубокий идейно-художественный анализ таких произведений, как «Евгений Онегин», «Мертвые души», «Что делать?», «Воина и мир», «Молодая гвардия» и др., а также способствовало бы развитию речи школьников, практическому овладению ими богатствами русского языка. Если бы несобственно-прямая речь активно использовалась учащимися, это значительно обогатило бы форму их устного пересказа, помогло бы оживлению и разнообразию стиля их письменных работ, чего так упорно добиваются учителя-словесники.

Для старшеклассников будет вполне посильным изучение тех конструкций несобственно-прямой речи, образцы которых выделены нами бессоюзное соединение слов автора с пере-

даваемой чужой речью, отделенной на письме двоеточием; чужое высказывание, находящееся в постпозитивном или препозитивном положении по отношению к авторскому вводящему тексту и отделенное от него на письме точкой (при этом возможны случаи перехода косвенной речи в несобственно-прямую или включения слов автора в пласт несобственно-прямой речи);

высказывания, которые не сопровождаются комментирующими словами автора, но по смыслу, по общей модальной окраске, по цели высказывания и по структуре ярко выделяются на фоне объективного авторского повествования.
